

Хозяин хорош — и дом хорош,
хозяин худ — и в доме то ж.

(Пословица)

На долгих высоких холмах между раздольным озером Ерилово, которое берёт своё начало от речки Неводницы, и главной дорогой раскинулись множество черевковских деревенок с интересными двойными названиями (изначальным и официально-новым): Пановщина – Романцево, Барановщина – Борисовская, Огнёвщина – Холмовская, Шипино – Глебовская, Панушинская – Давыдовско Ивановская, Каменёво – Денисовская, Вепревская, Никольская – Вахнёвская... Деревни разделились между собой ручьями да ложбинками, а то и угорами, через которые в прошлом обязательно были перекинута мостики – жители бегали напрямки друг к другу в гости. Нынче же ивовые кусты заполоняют овраги.

Добротные дома и маленькие домишки, баньки, колодцы, сараи, огороды – деревеньки растянулись на несколько вёрст, но до водной глади озера и речки улицы не добегают: мешают крутые склоны. С угора, обрыва взору открываются заливные луга, зарастающие непроходимой травой, ивой да черёмухой. На горизонте тонкая непрерывная полоска – Северная Двина и её правый высокий песчано-белый берег – это Толоконка.

На первый взгляд может показаться, что изначально никакого порядка в деревенской застройке вовсе не было, что каждый хозяин выбирал себе место по душе, совершенно не заботясь, как это будет выглядеть со стороны, сочетаться с соседними. Вроде бы деревня в одну улицу: иные дома стоят вплотную лицом к лицу, а иные далеко в стороне, то вдоль, а то поперёк озера и речки. Полная неразбериха. Но это не так.

Путаница зарождалась медленно и постепенно: сначала опустел один дом, затем второй, третий... Где-то хозяин умер, кого-то из стариков забрали в город дети, и вот ветшают дома, обрастая крапивой, иван-чаем, одичавшими кустами смородины да малины. Одинокие угасающие хоромины, оцепеневшие и никому не нужные, ждут и надеются, как верные сторожевые, что раздастся стук топора – вернуться владельцы и начнут латать протекающую крышу или менять окладной венец.

Уставали ждать. Углы принимались крениться к земле, двор с повестью тянул некогда жилую часть за собой, а жилое волокно на свою сторону. Серёдка раздиралась на две части, на то, что было «до» и «после». Безнадёжной развалиной становилось когда-то родное пристанище.

Кой-какие домишки смиренно никли, не показывая беды. Тихо проваливались, опадая полушалки двускатных крыш, разрушая потолок, утягивая за собой трубы стародавних больших глинобитных печей. Вываливались оконные рамы, перекашивались двери, по беззащитным стенам хлестали дожди. Там, где совсем недавно пестовали детишек, где молились на образа – свило свои гнёзда вороньё. Развалюхи заваливались на бок, превращаясь в заросшие бурьяном бугры – не выдерживали буйного натиска зелени, потаённые кучной крапивой на веки вечные делались безмолвными. Лишь гуляка-ветер хороводится сейчас в этих местах с появившимися берёзками: у одной с листвою поозорничает, у другой кудри молодые подзадорит...

Матушка-природа с каждым годом отвоёвывает себе землю, не выставляет неприглядную жизнь напоказ. Вместе с родовыми домами в архангельской глубинке исподволь стирается па-

мать и о фамилиях хозяев их населявших. Так навсегда затерялся род Окольниковых, Пузыревых, Власовых, Булыгиных, Сухановых... Тяжело представить, что их поколение, воротившись через множество лет, не прикоснётся к стенам дома, где оставались мечты о будущем, ощутят холод и пустоту, в которой никому не нужны...

Уходят в прошлое крестьянские избы и вместе с ними что-то важное для всех нас. При всём этом именно в смоляных бревенчатых избах Севера, в старине, живёт удивительно неповторимое русское начало, русская натура, русский дух! Мудрость и понимание того, что всякий дом хозяином держится, да лучше дома своего нет на свете ничего.

Обжитые же дома в белых наличниках красуются, на Божий свет любят. Большинство из них глазами обращены «на лето» – на солнечную сторону. Северный люд немногословен, и жилища им под стать: лаконичны и «баскí», высокí и просторны, подкупают статью, величавой простотой. «На лице» непременно наличники с узорочьем, которые привлекают взгляд. В каком бы состоянии дом не находился, часто увидишь – за наличниками хозяин следит в первую очередь. Избёнка покосилась, а наличники-то подрисованные – лицо дома должно быть умытым и красивым! Редко где поставлены новые домишки – фасонистые, как девки на выданье.

А иные «старички-сиротинушки» и не взглянут, не отразят в оконницах лучи солнечные – с заколоченными очами стоят, угрюмые. С вопросом воздымаются, боятся повторить судьбину ушедших в землю соседей: «В чём наша вина? Мы готовы вам дать кров и тепло! Почему же вы нас бросаете, люди!»

Сколько повидали жилища эти на своём веку! Сколько счастливых минут подарили домочадцам! В каждый вложена заботливая душа! Когда-то в них звенел ребячий смех, собирались гости, только быстро прошло всё то – весёлое...

Многие обречены на ожидание...

В минувшем их бурная кипучая жизнь. Теперь справляют по любви поминки...

* * *

Без хозяина дом — сирота.

пословица

Ещё издали его взор улавливает каждого, кто к нему приближается. Глядит невесело, отуманенным взором, с неподдельным укором: хозяева сменились, нынешние постоянно живут в городе и навещают ненадолго – только летом. Приедут, отдохнут от шума городского, в баньке жаркой попарятся, а до Дома и, как говорится, руки не дошли: земельку рядом не вспашут, травку вокруг не выкосят, заборчик покосившийся не подправят...

Не то, что прежние хозяева: всё чего-то ремонтировали, подкрашивали, на клумбы под окнами цветочки посадить не забывали. Огурцы и помидоры в тёплой земельке выращивали. Тут у них морковь, свёкла, лучок, а там укропчик с петрушкой. Картошке – царице огородов – почётное место. Кусты малины подвязаны, смородины – обрезаны, калина да рябина с черёмухой обихожены. Дому оставалось только простуженные зимушкой бока для прогрета солнышку подставлять, да очами на юг, запад и восток любоваться – никаких забот и беспокойства. Хозяйка бегала босая по отаве – скошенному травяному ёжику. Вокруг Дома все лопухи по весне лопатой выкорчует, чтобы летом мурава мягкой была, без лишней «сорной травы»...

Дом долго не мог понять хозяйской перемены: они, пенсионеры, сначала стали пропадать где-то целый день и возвращаться только к вечеру, потом из него вынесли мебель, вещи, посуду – всё-то привычное, душевно нажитое не одним десятилетием, ни одним поколением – теми, кто сизмальства в Доме на приступочке или на пороге посиживали, а потом, взрослея, босыми ногами по полу шлёпали... Переехала семья. И вот Дом почти весь опустел. На длинные морозные месяцы...

Затем появились те – другие владельцы. Думал Дом, что счастье вновь улыбнулось – нужен он людям как и прежде, пусть и новым хозяевам... Ан нет! Не всё так, как ему хочется: не провешивают к нему зимой дорожку вешками...

«Раньше веселее было: на тополях перед самым ликом жили в скворечниках скворцы, а ласточки так вообще умудрялись гнёздышки смастерить под самой крышей. Тополя ныне, чувствуя волю, вон как корешки пустили – всю землю вокруг заплонила молодая поросль. Берёзок вообще близко не было, а теперь дошло до того, что скоро устремятся белоствольные к солнышку там, где росла картошка! Того и гляди – вынырнут у самого угла! В зарослях некошеной травы хорошо чувствуют себя тучи мошек да облака комариные. Угрожающе надвигается полчище вездесущего борщевика... Э-эх! Уже в минувшем горшки с цветами на подоконниках!»

В самые лютые вьюжные месяцы, когда в Доме селится пугающая тишина, тоскует Дом. Все думают – спит, а он притворится: приосядет, приклонится чуть к земле, чтобы его выше снегом запырило. Ждёт-выжидает, выглядывает из-за снежной завесы: не идёт ли кто к нему? Не таптыкает ли тропку через непролазные сугробы? Не раздастся ли звон заветного ключа от его сердца?!... Нет. Воробей и тот редко промелькнёт. Что ему здесь делать, в безлюдной стылой забытой деревне... Никто не придёт до весны! А вот когда вспыхнет жизнь в природе – защёлкают, запахнут, лопаясь, тополиные почки, выскочит травка, ароматно зацветёт черёмуха – вот тогда и прилетят его, Дома, жители. Его «перелётные птицы».

Дому приходится только мечтать в забытьи: «вот вернутся прежние хозяева, поглядим мы друг другу в глаза... поглядят они родные стены, подойдут ко крыльцу, дотронутся ладонью до ручки двери и поздороваются со мной... Но вход охраняет замок, навешанный новыми хозяевами!.. А давние владельцы могли, уходя даже на целый день, просто палку приставить к дверям...»

Дом помнит ещё ту пору, когда «делился» он на летнюю и зимнюю избу, да миновало то время... Но как исстари венчает его горница да две маленькие боковушки, деревянные сундуки которых стоят с рождения Дома – не вынести их оттуда из-за больших размеров...

Время не стоит на месте: зиму сменит весна, за весной промчится лето, за летом подоспеет осень и, опять-таки надвинутся томительно безмолвные тёмные мёрзлые вечера и ночи, в которых жалобно затрепчат старые брёвна Дома, заноят ветви тополей...

Не потерять бы тех, без кого Дом жить просто не может...

Не стать безвозвратно утерянным...

